

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHC (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2020 Issue: 01 Volume: 81

Published: 04.01.2020 <http://T-Science.org>

QR – Issue



QR – Article



Shoira Inoyatovna Asadova

Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher

ON THE THEORETICAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP HISTORY AND POLITICS, PAST AND PRESENT OF UZBEKISTAN

Abstract: The article outlines some general methodological issues of the historical science of Uzbekistan, mainly in relation to society, politics, ideology, as well as in a close connection between the historical past and the present.

Key words: History, Uzbekistan, methodology, past, present

Language: Russian

Citation: Asadova, S. I. (2020). On the theoretical aspects of the relationship history and politics, past and present of Uzbekistan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (81), 7-13.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-01-81-2> **Doi:**  <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.01.81.2>

Scopus ASCC: 1202.

К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ, ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО УЗБЕКИСТАНА

Аннотация: В статье обозначены некоторые общеметодологические вопросы исторической науки Узбекистана, главным образом, во взаимосвязи с обществом, политикой, идеологией, а также в тесной смычке исторического прошлого и современности.

Ключевые слова: история, Узбекистан, методология, прошлое, настоящее.

Введение

Общеизвестно, что методология исторической науки представляет собой не только сложный по содержанию комплекс проблем, но и недостаточно разрабатываемое историографией проблемно-тематическое направление.

Нет необходимости доказывать, что историческая наука отличается от многих других дисциплин, главным образом, пристальным вниманием к собственной истории. Она располагает большим объемом аккумулируемой научной информации, требующей системного теоретического изучения. А сами историки проявляют устойчивый интерес к методологическим проблемам научного познания как по причине их же «методологической инертности», так и потому, что методология является одним из необходимых условий совершенствования исследовательских работ. И, конечно же, к результативности и социальной

полезности исторической науки проявляет заинтересованность само общество.

Основная часть

Все это вместе взятое должно сказываться на качестве стиля научного мышления, способах видения проблем прошлого, стандартах изложения научных знаний - то есть на всем том, что входит в круг научной методологии. Однако, как отмечали Д.Алимова и Э.Каримов, «в сфере отечественной исторической и других общественных наук накопилось немало нерешенных проблем, особенно в методологической работе. Принято считать, что историк-исследователь, как правило, слишком поглощен своими специальными вопросами, чтобы всерьез заняться более общими и широкими проблемами исторического познания, которыми, дескать, должны заниматься методологи и социологи. Но надлежащих кадров у нас еще нет, и никто из историков пока не осмеливается брать

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

на себя решение вопросов методологического характера» [1].

Целью статьи является обозначение некоторых важных, на наш взгляд, общеметодологических вопросов исторической науки Узбекистана, главным образом, ее взаимосвязи с обществом, политикой, идеологией, а также тесной смычки исторического прошлого и современности.

В контексте исследуемых в настоящей статье аспектов, прежде всего нельзя не сказать, что историческая наука вполне естественно «подвержена» исторической конъюнктуре [2-10]. Задаваясь вопросом, - чем для Узбекистана является историческая конъюнктура, сформулируем следующую обобщенную «формулу». В процессе своего общественно-исторического развития узбекскому народу предстоит полностью осознать, а затем реализовать на практике задачи духовно-просветительского, нравственного определения смысла Жизни и смысла Истории¹ [11-12].

Данный процесс, имеющий как объективно-онтологический, так и прагматический смысл, «приводит в движение» принципиально новые для республики идейные конструкты - независимость, суверенитет, собственный путь развития, возрождение духовно-нравственных ценностей, рыночные реформы, политическая либерализация, демократия и т.д. Без их практического воплощения невозможно с высоких идеалистических позиций говорить о существовании нации, как таковой. Иными словами, без переосмысления и категориальной переоценки собственного исторического прошлого народ Узбекистана в условиях динамично меняющегося мира не сможет не только развиваться, но и, по большому счету, полнокровно существовать - наравне с другими членами международного сообщества.

Вышеприведенный посыл можно подкрепить положениями основоположника немецкой классической философии Г.В.Ф.Гегеля (1770-1831): «История совершается в духовной сфере...» и «субстанциональным [в контексте Истории] является дух и ход его развития» [13].

Несколько в ином ракурсе, но практически в том же смысловом ключе ранее и позднее Г.В.Ф.Гегеля говорили отечественные историки и просветители Узбекистана. Так, яркий представитель передовой мысли Туркестана начала XX века М.Бехбудий в ряде публикациях неоднократно поднимал вопросы истории, бытия, исторического просвещения и образования. В

одном из своих сочинений, по времени относящемся к 1914 году, он высказал не потерявшую своей актуальности и практической значимости мысль: «Надо изучать историю, чтобы знать о народах отсталых и прогрессивных, о государствах-завоевателях и об исчезнувших правительствах, чтобы быть уведомленным о причинах исчезнувших и побежденных пророков, религий и народов. Надо изучать историю, чтобы знать - каким образом развивалось и росло мусульманство и почему ныне мусульмане пришли в упадок? И что составляет возможности и средства для самоутверждения и прогресса?». То есть, как писал М.Бехбудий, «чтобы познать Мир, чтобы быть совершенным и счастливым, надо читать и знать историю» [14].

Смысл исторической конъюнктуры также можно проследить в трудах одного из идеологов младобухарского движения А.Фитрата. Сетую на крайнее невнимание и невежественное отношение к историческому прошлому со стороны представителей мусульманского духовенства и просветительства, он отмечал: «...около двухсот лет уже прошло, ... как бухарские ученые стали заниматься только чтением написанных на полях книг объяснений (значений) слов..., они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук» [15]. Фактически, А.Фитрат вел речь о необходимости модернизации знаний, использования позитивного научного опыта в протекавших на тот момент общественно-политических, социально-экономических и духовно-культурных процессах.

Аналогичные либо схожие точки зрения в отношении взаимосвязи истории и современности высказывали некоторые другие представители интеллектуальных кругов Туркестана и Средней Азии, в том числе И.Ибрат, М.Кори, М.Чокай, акцентировавшие внимание на важности использования в модернизации общества достижений мировой культуры и науки. По их мнению, в условиях XX века необходимо было выйти из состояния отсталости и культурной изоляции, создать соответствующие предпосылки для обретения независимости [16-18].

В этом, очевидно, и состоит смысл «исторической конъюнктуры». Каждое поколение людей «по-новому» и «по-своему» осмысливает собственный исторический путь, что называется, «с высоты прожитых лет». Однако некоторые ученые отождествляют историческую конъюнктуру с конъюнктурой политической. Хотя, в принципиальном отношении последняя

¹ In this case, the word "Life" is capitalized, because denotes not biological life, but being, the material and spiritual state of the nation, while "History" - due to the fact that we are talking about

chronology and folk memory, turned into the past. The ambiguity of the concept of "history" was once considered by E. Karr, A. Guligoy and other researchers.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

применительно к истории, как к науке вряд ли должна иметь однозначно отрицательный смысл. Являясь легитимным выразителем своего социума, любая политическая система, в общем-то, «в праве» оценивать и переоценивать историческое прошлое предшествующих систем, внося необходимые изменения в традиционный, казалось бы, уклад общественных отношений [19].

На примере России и отчасти Туркестанского края начала XX века можно проследить, как происходило тесное переплетение политической и исторической мысли. Наблюдалась не только политизация исторической науки (мысли), но и «историзация» политико-идеологической борьбы². Неотъемлемым атрибутом политической полемики было апеллирование к историческому опыту, интерпретировавшемуся различными политическими кругами, конечно же, по-своему. Вследствие этого усиливались различия между понятиями «историческая наука» (профессиональная деятельность) и «историческая [не научная] мысль» (практически любые высказывания и обывательские оценки прошлого)³.

Представляется, что политики «имеют право» оперировать «историческими формулами», а историки - давать оценки общественно-политическому развитию нации, расстановке политических сил, их взаимовлиянию и, в конечном счете, воздействию политического процесса на общество, равно как и на формирование новых историко-политических концепций и соответствующих методологических воззрений. Другое дело, что между «объективностью» и «субъективизмом» существует весьма тонкая грань. Преступив ее однажды, можно вольно или невольно начать манипулировать историческими фактами, формулировать далекие от истины «исторические конструкции», обслуживающие сиюминутные политические цели.

Историческая наука, очевидно, не может оперировать так называемым принципом «политкорректности», применяемым в реальной политике, потому что он может стать «инструментом бесконечного переписывания» истории и заведомых спекуляций в политике. А, значит, в сути своей история может стать

антинаучной и даже антиобщественной категорией. Наверняка, принцип «политкорректности» в истории «требует» замалчивания/сглаживания многих исторических событий, смягчения остроты общественных проблем. Насколько это необходимо? Не заденет ли это чувств отдельных (этнических, религиозных и иных) групп населения [20-22]? Тем более, как писал известный французский историк М.Блок, «когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картину» [23]. Между тем, задача исследователя, по М.Блоку, состоит в том, чтобы «просто понять человека прошлого», то есть абстрагироваться от соблазна перенести историю на современные реалии [23, pp.60-82].

В свою очередь очевидной представляется корреляция прошлого и современности, в отношении чего британский историк А.Тойнби, использующий в исследовательской практике одновременно исторический и политический дискурсы, писал: «Когда изучаешь историю ушедших поколений, приходится мысленно воскрешать эти мертвые поколения в своем воображении. Представить себе, какими они были в жизни, можно только по аналогии с тем, что мы знаем о живых, то есть о наших современниках. По этой причине совершенно необходимо, чтобы всякий историк стоял одной ногой в современной истории, независимо от того, устремлен ли его научный взор в эпоху создателей пирамид или эпоху позднего палеолита... Если бы одновременно с “Обзорами” [24] я не писал “Постижение истории” [25], я был бы лишен самого эффективного инструмента, который был нужен мне для умственной реконструкции давно умерших обществ» [26].

Приведенные точки зрения убеждают, что линии «прошлое-современность» и «история-политика» в определенном смысле достаточно тесно взаимосвязаны и, очевидно, имеют общую смысловую нагрузку. Что это означает?

1. В общесистемном виде современность можно квалифицировать как политику (текущий политический момент), подразумевающую взаимоотношения между элитными и

² It is about using the achievements of historical science for specific political purposes. Of course, it is incorrect to swearily assert that “politicization” at that time was an unambiguously specified manipulation of historical facts, and “historicization” was the fitting of information about the past to specific political processes, although this, of course, did take place in a number of cases.

³ If we talk about historical, unscientific, thoughts, then, in principle, there is nothing reprehensible in the circulation of certain estimates, judgments, points of view on specific historical events.

Another thing is that, in addition to the need to draw a line between “professional” (scientific) and “everyday” history, it is important that the latter does not act as a purposeful “political tool”. Torn away from scientific methods of historical knowledge, it is capable of disorienting society, introducing confusion into socio-political relations, and creating long-term sustainable risks.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

общественными группами, борьбу за власть, экономические, культурно-образовательные, научные, социальные и иные стратегии, отношения внутри социума и т.п. Политика, как известно, определяет текущее и дальнейшее развитие конкретных сообществ, а история - отражает политику прошлого.

2. Как история отражает политику прошлого и формирует «идеологию современности», так и текущая политика, собственно, выстраивает отношение социума к прошлому, к бытию и духовности, преломляя все это через призму не только конкретных реалий, но и исторической реминисценции, вытекающей из современных реалий.

3. Между современностью/политикой и историей/прошлым существует система ценностных, гносеологических и многих иных коррелятивных отношений, включая ментально-психологические, идейно-духовные и организационно-функциональные связи, объективно необходимые для диалектики и практики. Историзм, познаваемость, объективность, активность творческого отображения действительности и т.п. принципы познания являются сутью указанных выше взаимоотношений, основополагающим моментом которых выступает тезис, что общество, накапливая в ходе своего исторического развития огромные пласты материальной и духовной культуры - своеобразных «носителей» результатов познания, выступает в качестве познавательного субъекта [27-30].

Некоторые исследователи выступают против политизации и идеологизации исторической науки [31-33]. Однако отсутствие политико-идеологических компонентов, несмотря на безусловную вредность их «тоталитарных» форматов и содержания, сужает функциональную нагрузку истории, сводя ее задачи к банальной фиксации, описанию фактов и событий прошлого в их логической последовательности. Но ведь история как наука посредством исследовательской практики формирует национальное самосознание и за счет «отделения зерен от плевел» в историческом фокусе объективно способствует возвращению духовности, гражданственности, патриотизма. То есть всего того, что конструирует национальную идею. И историческая наука, и историческое образование утверждают в сознании людей определенную идеологию, преломленную, помимо прочего, через призму прошлого.

С одной стороны, если подходить к истории как к комплексу научно-мировоззренческих знаний, то это выглядит, в общем и целом, правильно. Однако в данном случае речь идет о включении исторической науки в систему государственной политики.

С другой стороны, историческая наука, несмотря на вышеуказанную позицию, принадлежит к разряду так называемых «идеологических дисциплин». От качества интерпретации исторических фактов зависит не только текущее состояние дел в политике, экономике, культуре и т.д., но и, собственно, перспектива развития, духовно-нравственного прогресса конкретного этноса (нации)/государства/сообщества людей.

В этой связи представляется, что нынешняя оценка реалий «научной и общественной ориентации» исторической науки не может быть оформлена вопреки знанию об обществе и происходящих в нем тенденций [34]. На этом фоне нонсенсом выглядят некоторые зарубежные характеристики, не учитывающие переходного состояния общества и самой исторической науки. Одни утверждают, что современная наука развивается в условиях полного развала прежнего коммунистического режима и является оплотом «антинаучных сил» [35]. Другие склонны полагать, что историческая наука «обслуживает» нынешние режимы [36]. А с точки зрения третьих авторов, «лучшей частью» исторической науки являются ее «марксистско-ориентированные разработки» [37].

Рассматривая данный аспект в более объемной плоскости (с учетом опыта прошлого и задач нынешнего этапа), очевидной представляется предельно широкая корреляция по условной и в данном случае сугубо теоретической линии: «история - идеология - политика - история - ...» [38]. Если говорить об Узбекистане, то во многом эта «линия» объясняет сущность современного периода развития республики в условиях национально-государственной независимости. Осуществлением «естественного пересмотра», казалось бы, устоявшихся в предшествующие годы духовно-исторических ценностей реализуется важная функция - «историческая коррекция» нации на долгосрочную перспективу [39].

Общеизвестно, что после распада СССР народы бывших республик Средней Азии и Казахстана (Центральная Азия) столкнулись с серьезными проблемами. Помимо социально-экономической и культурно-гуманитарной сфер, имеющих особую остроту и несомненную практическую значимость, к ним следует отнести проблемы политического характера, в том числе национализм, местничество и т.п. В отдельных странах региона это привело к дестабилизации (события 2005 г. в Кыргызстане) и даже трагическим последствиям (гражданская война в Таджикистане).

Существовавшая в бытность СССР идеология компартии или, как еще ее принято называть идеология тоталитарного режима,

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

«подчиняла» решение практически всех вопросов, включая национальную политику, экономическое, социально-культурное развитие и т.д. Развитие так называемых «национальных республик» осуществлялось по единому шаблону, унифицировавшему, а, по сути, размывавшему самобытность многочисленных «советских» этносов и народов. Безусловно, накануне распада союза эти вопросы весьма обстоятельно дебатировались в широких научных кругах [40-44]. Однако советское обществоведение оказалось «не в силах» переломить (либо скорректировать) необратимые процессы середины 1980-х годов в рамках так называемой «перестройки» [45].

Идеология как общественное явление и в общетеоретическом смысле наука об идеях и путях их реализации в условиях истории постсоветского периода представляет собой важнейший практический конструкт, способный дать необходимую ориентировку оказавшимся в «идеологическом вакууме» этнокультурным сообществам. Заполнение возникшей после распада союза «идеологической ниши» выполняло ключевую задачу - возникновение национальной идеи, способной сплотить все этносы, проживающие в стране. Причем, осуществить это необходимо было не только в предельно короткие сроки, но и исключая «классовый подход» и «концепцию единообразия». То есть речь идет о формулировании исторически оправданной идеологии, ключевая роль в которой отводится исторической науке. Цена вопроса состоит не только в извлечении уроков прошлого для решения актуальных задач современности, но и в самом «выживании нации».

В тех условиях перед исторической наукой Узбекистана стояли задачи по воссозданию исторической памяти народа, необходимой,

прежде всего, для его самосознания, самопознания и общенародного единства. В этом контексте отечественная научная историческая мысль призвана стать одним из элементов идеологии национальной независимости республики, отражающей основные цели народа и связывающей в единую «ткань» его историческое прошлое, настоящее и будущее.

Внимание развитию духовности и изучению истории в Узбекистане уделяется с самых первых лет независимости. Однако поворотным моментом в развитии отечественной историографии стало хорошо известное Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» (1998), позволившее начать перестройку всей научно-исследовательской работы в области исторических знаний в соответствии с требованиями времени, реальными потребностями народа, страны и государства.

Заключение

Подытоживая сказанное выше, отметим, что предмет соотношения истории и политики, прошлого и настоящего остается недостаточно разработанной научной проблемой. Осмысление этих вопросов историографами и историками Узбекистана позволит не только конкретизировать сущность переживаемого страной текущего момента, но и организовать научно-исследовательскую работу в соответствии с национальной идеологией и социально-политическим заказом по созданию ясной и правдивой истории республики, формулированию оценок ее нынешнего этапа и обоснования дальнейшего развития в соответствии с концептуальной идеей: «Узбекистан - государство с великим будущим».

References:

1. Alimova, D., & Karimov, E. (2008). On the tasks of domestic historical science in Uzbekistan at the present stage. *History as history, history as science: In 2 volumes / T. 1: History and historical consciousness.* (pp.24-25). Tashkent: Uzbekistan, (In Russian)
2. Tartakovsky, M. (1993). *Historiosophy: World History as an Experiment and Enigma.* (p.333). Moscow: Prometheus, (In Russian)
3. Heidegger, M. (1993). *Time and Being: Art. and vust.* (p.444). Moscow: Republic.
4. Manheim, C. (1994). *The diagnosis of our time.* (p.700). Moscow: Lawyer, (In Russian)
5. Jaspers, C. (1994). *The meaning and purpose of history.* (p.527). Moscow: Republic, (In Russian)
6. (1995). *Philosophy of History: Anthology.* (p.300). Moscow: Aspect-press, (in Russian)
7. Habermas, J. (1995). *Democracy, reason, morality: Moscow lectures and interviews.* (p.245). Moscow: Academia, (in Russian).

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

8. Toynbee, A. (1996). *Comprehension of History* / Transl. from English E. Zharkov. (p.607). Moscow: Progress. (in Russian)
9. Mariten, J. (1999). *Knowledge and wisdom*. (p.243). Moscow: Scientific world. (in Russian)
10. Danto, A. (2002). *Analytical Philosophy of History* / Transl. from English A. Nikiforov, O. Gavrishina. (p.407). Moscow: Idea Press. (in Russian)
11. Carr, E.H. (1961). *What is history?* L. (In English)
12. Gulyga, A. (1969). *History as a Science* // Philosophical problems of historical science: Sat. (pp.5-12). Moscow (in Russian).
13. Hegel, G.V.F. (1993). *Lectures on the philosophy of history*. S.-Pb.: Science, p. 70.
14. Behbudiy, M. (1914). *History and geography* // Oina. - No. 27. Cit. by: Alimova, D., Rashidova, D. (1998). Mahmudhodja Behbudiy and his historical views. Tashkent, p. 35. (In Russian)
15. Fitrat, A. (2007). *The stories of an Indian traveler* (Bukhara, as it exists). (p.11). Tashkent. (In Russian)
16. Razhabova, D. (2003). *Problems of youth and women in the views of the Jadids of Turkestan* (Late XIX - early XX centuries): Author. diss. ... cand. East. sciences. Tashkent, (In Russian)
17. Tursunov, R. (2008). *The views of national progressives on socio-economic processes in Turkestan at the beginning of the twentieth century*: Abstract. diss. ... cand. East. sciences. Tashkent, (In Russian)
18. Abdullaev, R. (n.d.). *The problems of modernization of traditional society and the national intellectual elite of Turkestan at the beginning of the twentieth century: A look from Tashkent* // Information and Analytical Center of Moscow State University / http://www.ia-centr.ru/expert/2453/#_ftn11.
19. Vandalkovskaya, M.P.N., Milyukov, A.A. (1992). *Kizevetter: History and Politics* / Otv. ed. I. Kovalchenko. (p.288). Moscow: Nauka.
20. Febvre, L. (1991). *History or politics?* // February L. Fights for the history: Sat. tr / Per. with fr. (pp.54-62). Moscow: Nauka.
21. Tosh, D. (2000). *The pursuit of truth: How to master the skill of a historian* / Per. from English. (p.296). Moscow: The whole world.
22. Kuposov, N. (2001). *As historians think*. (p.205). Moscow: New Literary Review. (In Russian)
23. Block, M. (1986). *Apology of history or craft of the historian* / Per. with fr. (p.77). Moscow: Nauka.
24. (n.d.). We are talking about the annual "Survey of International Affairs" (Survey of International Affairs, 1924-1957), which A. Toynbee prepared, being first a consultant to the British Foreign Office (UK Foreign Ministry), and then director of the Royal Institute of International Affairs (Chetem House) .
25. Toynbee, A.J. (1991). *Comprehension of History* / Transl. from English Moscow: Progress, 736 p. (In Russian)
26. Toynbee, A. (1995). *Survived*. Civilization before the court of history: Sat. tr / Per. from English. (p.256). M.-S.-Pb..
27. Sorokin, P. (1992). *Man, civilization, society*. (pp.156-175). Moscow: Politizdat.
28. Momjian, K. (1994). *Society, society, history*. (p.230). Moscow: Nauka.
29. Parsons, T. (1998). *The system of modern societies*. (p.220). Moscow: Aspect-press.
30. Alimova, D. (2003). Science requires objectivity // *People's word. March, 6*; Her. The Right to Objectivity (2006). // Popular word. October 7th. (In Russian)
31. Sakharov, A. (1994). *Domestic historiography: Western estimates and our reality* // Russia in the XX century: world historians argue. (pp.56-60). Moscow.
32. (1996). A New Politicization of History or Scientific Pluralism (On Some Trends in World Historiography of Russian History of the 20th Century) // Russia in the XX century: the fate of historical science. (pp. 80-90). Moscow.
33. Emelyanov, Yu. (2008). *History in Exile: The Historical Periodicals of Russian Emigration* (1920-1940s). (p.494). Moscow: Russian panorama. (In Russian)
34. Sakharov, A. (2002). *On new approaches in Russian historical science*. History and Historians: Historiographic Bulletin/ Otv. ed. A. Sakharov (2002). / In-t. History of the Russian Academy of Sciences. (p.3). Moscow: Nauka. (In Russian)
35. Iskenderov, A. (1996). Historical science on the threshold of the XXI century // *Questions of history. Moscow, No. 4*, p. 5. (In Russian)
36. Deser, M. (1997). *Extremes of history and extremes of historians* // Extremes of history and extremes of historians ?: Sat. Art. (pp. 145-156) Moscow. (In Russian)
37. Kovalchenko, I. (1995). Theoretical and methodological problems of historical research: Notes and reflections on new approaches // *New and modern history. Moscow, No. 1*, pp. 44-47.
38. (2004). Of course, in this case we are not talking about "purely politicization" of the process of scientific and historical creativity, as well as about History itself. Obviously, it will be legitimate to assert that politics in one form or another, most likely, should determine the main directions of development of social science, including its integral part - historical science. In this regard, see the information: National ideology is the basis of the future // Press service of the President of the Republic of Uzbekistan /

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

<http://2004.press-service.uz/rus/rechi/r04062000.htm>.

39. Gulamova, D. (2008). Universal and National Values: Symbiosis or Exclusivity? // *O'zbekiston tarixi, No. 1*, pp. 65-73.(In Russian)
40. (1989). *materials published following discussions and conferences at the Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan: History and historiography of national liberation movements in the second half of the 19th and early 20th centuries in Central Asia and Kazakhstan*. Tashkent: Fan,
41. (1989). *Problems of the History of the Republics of Central Asia and Kazakhstan in the 40-50s [XX Century]* Sat. Tashkent: Fan.
42. (1989). *Modern problems of the development of the working class of Uzbekistan: Sat*. Tashkent: Fan.
43. (1990). *Socio-economic problems of Uzbekistan in the context of perestroika. Sat*. Tashkent: Fan.
44. Aminova, R. (1991). (In Russian). *Actual problems of social development in Uzbekistan in the context of perestroika*. Tashkent: Fan,; Uzbekistan: Pages of History. Tashkent.
45. (2005). *Twenty Years of Perestroika: The Evolution of Humanitarian Knowledge in Russia*. Mat.-ly int. scientific education forum. Moscow: RGGU, 430 p. (Including in this collection see: Borisov N. Perestroika in Central Asia: The Case of Uzbekistan. pp. 115-121).